

Историко-этнографическая командировка Л. П. Лашука 1956 года на верхнюю Вычегду. К 100-летию со дня рождения ученого

И. Л. Жеребцов*, В. А. Саблин**

* ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

** Вологодский государственный университет,

г. Вологда

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

sablin@inbox.ru

Аннотация

Работа посвящена историко-этнографической командировке видного российского этнографа Л. П. Лашука, в то время – старшего научного сотрудника Коми филиала АН СССР, летом 1956 г. в Сторожевский и Корткеросский районы Коми АССР. Впервые публикуется текст полевых записей Л. П. Лашука, сделанных во время этой командировки. Дана краткая справка об экспедиционных выездах ученого в период его работы в Коми филиале АН СССР.

Ключевые слова:

Лев Павлович Лашук, этнография, коми, верхняя Вычегда, культура, быт, поселения, жилища, хозяйство

Видный российский этнограф Лев Павлович Лашук в 1950-х гг. работал в Коми республике, разрабатывал проблемы этнической истории коми, русского и ненецкого населения Печорского бассейна, вымских, верхневычегодских, сыольских и прилузских коми. Особенно подробно Л. П. Лашук рассмотрел этническую историю Печорского края: процессы заселения бассейна Печоры, духовную и материальную культуру, быт, хозяйство местного населения XVII-XIX столетий, культурное взаимодействие русских, коми, ненцев. Ученый разработал принципы историко-этнографического районирования Коми АССР. При анализе этнической истории он использовал обширный комплекс разнообразных источников: этнографических, археологических, лингвистических, письменных; занимался археологической разведкой, открыл несколько археологических памятников [1, с. 75; 2, с. 112, 114].

Совместно с Л. Н. Жеребцовым Л. П. Лашук осуществил сплошное этнографическое обследование территории республики, провел ряд этнографических экспедиций. В 1951–1952 гг. он побывал с экспедициями на Печоре, Колве, Ижме. С 1953 г. Л. П. Лашук занимался изучением вымских коми, проводил полевые исследования, напи-

L. P. Lashuk's historical and ethnographic trip to the Upper Vychegda in 1956. To the 100th birth anniversary of the scientist

I. L. Zherebtsov*, V. A. Sablin**

* Institute of Language, Literature and History, Federal Research

Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,

Syktывkar

** Vologda State University,

Vologda

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

sablin@inbox.ru

Abstract

The paper deals with the historical and ethnographic business trip of the prominent Russian ethnographer L. P. Lashuk, at that time a senior researcher at the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, in the summer of 1956 to the Storozhevsk and Kortkeros regions of the Komi ASSR. The text of L. P. Lashuk's field notes made during this business trip is published for the first time. A brief summary of the scientist's field trips during his work at the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences is given.

Keywords:

Lev Pavlovich Lashuk, ethnography, Komi, Upper Vychegda, culture, way of life, settlements, dwellings, economy

сал работу по этой этнографической группе. В июне–августе 1958 г. Л. П. Лашук и Л. Н. Жеребцов исследовали специфику культуры и быта сыольцев, проделав путь с верховьев до низовьев Сысолы, от Кажима до Шошки [2, с. 110, 113–114]. «Данная экспедиция является продолжением этнографических работ в Коми АССР, начатых с 1951 г. Целью ее предполагается изучение этнографической специфики населения бассейна р. Сысолы. Так как хозяйственно-культурный тип, характерный в целом для народа коми, в основном уже изучен, то перед этнографами встает задача определения отличительных особенностей в культуре и быте сыольцев», – так исследователи характеризовали цель своей работы [3, л. 4]. Написанный Л. П. Лашуком и Л. Н. Жеребцовым обстоятельный научный отчет об итогах этой экспедиции [3] пока остается, в основном, неопубликованным; часть материалов была использована учеными в своих более поздних публикациях, а два фрагмента отчета напечатаны в журналах «Историческая демография» и «Известия Коми научного центра УрО РАН». Серия «История и филология» в разделах «Научное наследие» [4; 5].

В июне-июле 1959 г. Л. П. Лашук и Л. Н. Жеребцов побывали с экспедицией на Лузе и Летке. В отчете о результатах работы они отмечали: «Особенностью экспедиции текущего года являлось то, что она была завершающей по сплошному этнографическому обследованию Коми АССР, начатому нами в 1951 г. Так как Прилузье в прошлом не подвергалось этнографическому изучению, то в результате работ текущего года ликвидировано еще одно "белое пятно" в этнографии Коми АССР и создавалась возможность иметь полное представление о всей территории республики» [6, л. 3]. Эта работа Л. П. Лашука и Л. Н. Жеребцова тоже пока полностью не издана. Два фрагмента отчета опубликованы в журналах «Историческая демография» и «Известия Коми научного центра УрО РАН». Серия «История и филология» в разделах «Научное наследие» [7; 8].

Заметное место в экспедиционных исследованиях Л. П. Лашука занимала верхняя Вычегда – территория от истоков реки до впадения в нее Сысолы (в некоторых исследованиях под верхней Вычегдой подразумевается более ограниченная территория – от истоков Вычегды примерно до устья Вишеры, но мы придерживаемся более широкого понимания этого географического термина). В 1956 г. Л. П. Лашук и Л. Н. Жеребцов работали на Вишере, изучали духовную и материальную культуру, быт, хозяйство жителей, историю возникновения поселений, и по итогам своих полевых исследований и архивных разысканий подготовили обстоятельную статью «Старая Вишера» [9]. Год спустя ученые отправились на верхнюю Вычегду. Итоги их работы получили отражение в большой статье «Этнографический уклад населения верхней Вычегды» [10]. На 1960 г. была запланирована экспедиция Л. П. Лашука и Л. Н. Жеребцова в бассейн р. Локчим – Корткеросский, Позтыкеросский, Мординский и Лопыдинский сельсоветы. Однако летом 1960 г. Л. П. Лашук уволился из Коми филиала АН СССР и уехал из Сыктывкара в Москву, так что как совместная эта экспедиция не состоялась – Л. Н. Жеребцов выезжал на Локчим уже без Л. П. Лашука [11, л. 58; 12, л. 3].

Если результаты совместных экспедиций Л. П. Лашука и Л. Н. Жеребцова на верхнюю Вычегду 1956–1957 гг. достаточно полно представлены в упомянутых выше публикациях, то еще один выезд Л. П. Лашука в этот район, состоявшийся летом 1956 г., менее известен. Это была историко-этнографическая командировка в Storozhevskiy и Kortkeroskiy районы Коми АССР (территория тогдашнего Storozhevskogo района в настоящее время входит в Kortkeroskiy и частично Usty-Kulomskiy районы). Этот выезд не получил особого отражения в публикациях Л. П. Лашука. Свои полевые записи он не передал в Научный архив Коми филиала АН СССР, но и не увез с собой, и после отъезда ученого из Сыктывкара блокнот с его заметками долгое время находился в фондах вначале отдела этнографии и археологии КФАН СССР, а затем сектора этнографии ИЯЛИ КФАН СССР, не привлекая к себе внимания исследователей. Между тем полевые записи Л. П. Лашука содержат довольно интересный материал, и это научное наследие видного этнографа, несомненно, заслуживает быть введенным в научный оборот.

Свои записи Л. П. Лашук вел в блокноте с нелинованными листами, писал и делал рисунки и чертежи чернилами только на одной стороне листа. В блокноте присутствует двойная нумерация страниц. Одна сделана чернилами (очевидно, во время составления записей) сверху страницы по центру; первой страницей являлся титульный лист, сама нумерация проставлена начиная с третьей страницы. Последние две страницы (54 и 55) пронумерованы не чернилами, а карандашом и, вероятно, другой рукой. Вторая нумерация проставлена карандашом в правом верхнем углу страницы. Титульный лист в нумерации не учитывается, всего пронумерованы 53 страницы. При публикации текста внесена минимальная редакторская правка.

**Академия Наук СССР
Коми филиал**

**Историко-этнографическая командировка
в Storozhevskiy и Kortkeroskiy районы летом 1956 г.
(полевые записи старшего научного сотрудника
Лашука Л. П.)**

**Academy of Sciences of the USSR
Komi Branch**

**Historical and ethnographic business trip to Storozhevsk
and Kortkeros regions in the summer of 1956
(field notes by senior researcher L. P. Lashuk)**

**Storozhevskiy район
Storozhevsk region**

Райцентр Storozhevsk. Расположен на высоком берегу Вычегды, но в непосредственной близости к реке находится только небольшая, наиболее старая часть села; основная же, более новая часть его вытянулась по обе стороны тракта, идущего из Сыктывкара в Усть-Кулом. В Storozhevске имеется целый ряд новых двухэтажных зданий административного хозяйственно-управленческого и общественного назначения. Есть районный дом культуры (помещается в бывшем недостроенном здании церкви), большой детский сад и детские ясли, редакция газеты, десятилетняя и семилетняя школы, книжный магазин, спортплощадка, дом колхозника. Здесь же основная база местной МТС.

Леса вокруг вырублены на значительном расстоянии в глубь водораздела, на высоком берегу заняты посевами, на низменном – значительными по площади лугами. По тракту значительное движение автотранспорта, в том числе в направлении селений и лесопунктов, расположенных в бассейне р. Вишеры.

Признаками благоустройства райцентра являются древонасаждения (старые подле многих домов, молодые в сквере у дома культуры), правильная планировка новых улиц, дощатые мостки на большом протяжении, палисадники вокруг общественных зданий и индивидуальных домов. Райцентр радиофицирован и электрифицирован,

имеет телеграфную и телефонную связь со столицей республики и соседними районами. Отличительной особенностью, так сказать, особым колоритом современности является довольно широкое индивидуальное строительство. За последние два года не только подновляются старые жилища, но и одновременно сооружаются несколько десятков новых домов.

Их архитектура разнообразна, но преобладают просторные пятистенки в шесть и пять окон по фасаду, дома, состоящие из избы в три-два окна и пристройкой с боку горницы и одним широким окном (сохранение старой традиции). Хозяйственные дворы, правда, меньших размеров чем прежде, сохраняются и при новом строительстве. Способ соединения их с домом – прежний. Домов, состоящих из четырех небольших камер (сени с кладовкой, кухня, горница, спальня), немного. Здесь они не характерны. Но зато многохарактерных форм (изба с горницей по фасаду, пятистенки), но такие типы, как дом на две жилые половины, разделенных сенями или дом со средней горницей («жиром»), явно устарели и в новом строительстве не возобновляются. Но нередко за место обветшалой половины ставится такая же новая, в одну связь с другой, старой половиной. В новой застройке сохраняется самцовый (часто с контрафарсами) фронтоном, наряду с ним появилась двух и четырехскатное крыльцо на стропильной основе. Внешнее оформление фасада и фронтона более нарядное, нежели было прежде.

Все же при всем размахе нового жилищного строительства преобладает старый жилой фонд. Причем, характерная особенность – здесь, как и в соседних Небдино, Пезмоге, совершенно нетипичны дома со средней горницей и входом с боковой стороны. Наиболее четко представлен старый тип трехраздельного дома (изба + сени + кум), но не он преобладает, ибо уже давно получил дальнейшее развитие в виде пристройки небольших боковушек – горниц (реже горницы, расположенные сзади), но часто часть прежнего места двора занимает еще одна жилая половина, так что жилая часть имеет вид угла.

В старых домах сохраняются еще типичные окошки. Но интересно, что у большинства домов окна обеих жилых половин прорезаны на одинаковом уровне (прежде окна горницы прорезались выше, что, в частности, наблюдалось нами на средней Вычегде и Выми).

Современное население Сторожевска – крупного населенного пункта – в подавляющем большинстве коми по принадлежности, русских здесь проживает немного. Но зато в соседних лесных поселках, например, Подтыбоке, преобладают русские. Подсчитано, что в упомянутом поселке проживают рабочие 17 национальностей, в том числе и коми. В учреждениях, на улицах Сторожевска звучит, как правило, коми речь, но местные жители, особенно нестарые люди, хорошо объясняются по-русски, с большим или меньшим акцентом.

Из прошлого Сторожевска. (Информатор Панюков Степан Дм., 46 лет, работник отдела культуры райисполкома).

Сторожевск имеет местное название «Шойнаты» от имени озера, находящегося на противоположном берегу Вычегды. Старики рассказывали, что в урочище Вашкая, как раз напротив д. Важкурья, на возвышенности, господствующей над берегом реки Важки, жили будто бы чудские люди, которые не желали принять христианскую веру от Стефана и ушли – закопались в землю. Рассказывали об этом давно, но вот в годах 1923-х (хорошо об этом помню из рассказов отца), один старик рыл на этом урочище зайцеловную яму (раньше капканов не ставили, а рыли средней глубины яму и на дне настораживали острые колья) и на глубине 1,5 м нашел железный предмет старинной работы, не то кинжал, не то длинное «шило». Этот предмет он употребил в качестве перекаладины в печке – каменки (значит, он был довольно длинный). Затем приезжала какая-то экспедиция, копалась на Важкаяге, но, кажется, ничего больше не нашла. Дед рассказывал, что кроме чуди, в здешних местах долго никто не жил, а затем люди стали приезжать из разных мест, но откуда, он и сам не знал.

До революции жизнь простого крестьянина, а таких было большинство, была очень тяжелой. Земля хлеб родила, но земли надельной не хватало – на душу приходилось посева ячменя 2,5 пуда. Поэтому все, кто мог, делали «тылу» или чистили новины, но это крадучись, по лесам, ибо власти запрещали самовольное заведение пашни. Только богатые крестьяне за взятки открыто пользовались большими землями и имели много хлеба. Они-то больше всех делали подсеку и новины. Мой бывший хозяин важкурьинский кулак Панюков Назар имел всей земли до 40 десятин. Каждый год он делал подсеку и расширял путем раскорчевки новину. И все это трудом батраков – «казакон», нанимаемых у сельской молодежи на денную или, чаще, более длительную работу. Хозяин крепко прижимал рабочих: работать заставил до 20 часов в сутки, ругался, руку прикладывал, вычинял. Мало кто мог долго выдержать такой труд, когда к вечеру работники, намертво усталые, валились прямо на землю и засыпали.

Деньгами за работу хозяин не платил, казаки работали за одежду из домотканины, а обувь («кóты») и корм, а кормил он плохо и всегда отдельно от своего стола. Был и еще поземельный обычай – по-коми «кóртóm» или «кóртмалóm». Он состоял в том, что богатый крестьянин предлагал бедняку пользоваться его, обычно уже истощенной, землей, при чем последний должен вознаградить земледателя деньгами (хлеба у богача и своего хватало) или условленной отработкой на хозяина. Чаще бедняк отработывал, ибо где ему было деньги взять.

В общем земля бедняка плохо кормила, хлеба своего никогда не хватало, надо было искать побочный заработок. Многие занимались охотой, по многу белок стреляли (до 800 шт.), но этот промысел себя тоже не оправдывал. Приезжали скупщики, зная, что охотнику некуда податься, веревки из него вили: платили за белку очень мало, по несколько копеек за штуку, а то предлагали по 1–0,5 копейки. Такой промысел себе дороже обходился. Поэтому

многие крестьяне совсем не охотились. Пушнину сбывали на Небдинской двухнедельной ярмарке, куда приезжали даже иностранные купцы.

Заработок давали рубка и сплав до Котласа сортового леса. Но заготовка находилась в руках компаний – вначале Русанова, затем Руссангеса, позднее Руссголангеса, которые имели подрядчиками местных богатеев. Желаящие продать свои руки было больше, нежели набирали подрядчики. Чтобы быть допущенным к заготовке, нужно было и в ноги подрядчику поклониться и взятку дать. А это могли сделать далеко не все. Поэтому многие жители Сторжевска ходили работать дровозаготовителями на уральский Надеждинский рельсовый завод (ныне г. Серов). В год ходили один раз, иногда дважды. Пути и сроки были таковы: осенью после окончания всех сельских работ (после Покрова), отправлялись на лодках через Екатерининский канал до Чердыни и Перми, а оттуда поездом. Если направлялись зимой (в декабре-январе), то шли пешком, везя на легких санках провиант до места, через Сысолу на Пинюг, а оттуда поездом. Вербовка приказчиками производилась на месте, но дорога (железная) оплачивалась в оба конца, лишь при условии выполнения нормы в 40 сажень дров. Норма эта была тяжелой, харчи свои.

Анализ некоторых данных похозяйственной книги Сторжевского сельсовета на 1955–1956 гг.

Примерные и точные даты сооружения жилищ
Approximate and exact dates of housing construction

гг.	Сторжевск	д. Кывтыд
1895	-	1
1900	3	-
1907	-	1
1914	-	4
до 1918	199	72
1919	-	1
1921–1922	5	7
1923	1	2
1924	3	-
1925	8	3
1926	-	5
1927	1	-
1928	2	-
1929	6	1
1930	2	-

Таким образом, большинство жилых домов в райцентре построено до 1918 г., т. е., вероятно, в основном, между 1900 и 1918 гг. Год Гражданской войны – 1919 г. – дал только один дом, но зато первый период НЭПа (1921–1925 гг.) ознаменовался новым домостроительством – 29 единиц. Сооружаются дома и в последующие годы, но меньше: за 1926–1930 гг. – 17 домов. Согласно официальным данным, за время с 1931 по 1951 гг. построено всего три жилых дома, но обновляются подсобные сооружения – бани, амбары; т. е. используется в основном старый жилой фонд. Ко-

ренной перелом намечается в 1954–1955 гг., когда вновь сооружено 16 домов, в текущем же 1956 г. Заложено или почти готово 44 дома, не считая подвергшихся различной степени ремонта.

Фамильный состав крестьянских семей
по Сторжевскому сельсовету
Family structure of peasant families
in the Storozhevsk Village Soviet

Макаровы	34
Микушевы	57
Осиповы	38
Ладановы	18
Латкины	15
Панюковы	13
Мишарины	12
Поповы	12
Ширяевы	50
Савины	10

Даны фамилии по сельсовету наиболее распространенные и считаются наиболее старыми, коренными.

В сельсовете проживает довольно много 1) Гибовых и Игушевых, 2) Каневых и Каракчиевых, но это все служащие, не столь давно переселившиеся в райцентр – первые с Вишеры (из Богородска), вторые из Вомына, т. е. райцентр является притягательным для коми окрестных селений, а также и из более дальних мест, ибо в Сторжевске проживают выходцы, например, из Устьвымского р-на: Изъюровы, Полещиков, Сенюков.

Богородск (Висер). Большое село в 45 км по грунтовой дороге от Сторжевска, в 18 км от Большого Луга, на левом берегу Вишеры, в двух километрах выше впадения Нившеры. Своеобразие расселения по Вишере: от устья на расстоянии 25 км ни одного селения, зато на пространстве последующих 20 км – целое гнездо деревень, в том числе на расстоянии нескольких километров селения Богородсково сельсовета: Пасвомын, Сюзяиб, Троица, Богородск. На вопрос, почему не заселены низовья Вишеры, старожилы отвечают, что там большой лес (причины, видимо, были иного, исторического порядка).

Выше Богородска по Вишере нет селений за исключением небольших лесопунктов, возникших лет 10 тому назад. По Нившере в 38 км от ее устья стоит деревня Нившера (центр сельсовета) и небольшие селения Сывюдор и Лымва (в 30 км от Нившеры) и два лесопункта. Времени основания Нившеры и Лымвы богородские старожилы не помнят, что же касается Сывюдора, то полагают, что она основана в 1908–1910 гг. переселенцами из Нившеры.

Все эти селения соединены друг с другом грунтовой дорогой, сооруженной за последние десятилетия. Старожилы помнят, что в XIX в. здесь не было иных путей сообщения, кроме реки и малопроезжих троп. Начало и конец тропы с Богородска на Вычегду отмечены названиями «Пасвомын» и «Паспом». Была зимняя тропа с выходом на Вымь в районе р. Кылтыв (на Ляли), называемая «Емвапас».

Для Богородского сельсовета характерны следующие (согласно данным сельсовета) фамилии:

д. Пасвомын: Габовы – 13 семей, Игушевы – 6 семей, Мишарины – 1 семья.

д. Троица: Габовы – 71 семейство, Михайловы – 4 сем., Подоровы – 4 сем., и по одной – Поповы, Полины, Рочевы, Лютыевы.

д. Сюзяиб: Микушевы – 35 сем., Габовы – 25 сем., Игушевы – 8 сем., Мишарины – 3, Макаровы – 2, Ивашевы – 1.

с. Богородск: Михайловы – 47 семей, Игушевы – 18, Габовы – 16, Ивашевы – 29, Поповы – 14, Калистратовы – 10, Мишарины – 6, Панюковы – 3, Микушев – 2, Юшкова – 1.

В Нившерском сельсовете наиболее характерны фамилии: Нившере – Михайловы, Жижевы, Подоровы, Ларуковы, Габовы; Лымве – Поповы; Сывюдоре: Михайловы, Габовы.

Богородск – крупный населенный пункт, вместе с прилегающими деревушками в нем свыше 200 дворов. Здесь имеется семилетняя школа, сельский клуб и библиотека, детские ясли, медпункт, радиоузел, отделение связи, столовая, магазины; сооружается большое здание детского сада и яслей. Село радиофицировано и электрифицировано. Местный колхоз «Выль ордын» имеет земледельческо-скотоводческое направление. За последние три года (с 1952 по 1955 гг.) стоимость трудодней повысилась с 1,4 руб. до 4 руб. Население почти поголовно коми. Здесь наиболее интенсивно звучит чистая коми речь, хотя русский язык многие понимают, но далеко не все умеют ясно выражаться по-русски. Культурный досуг молодежи составляет преимущественно просмотр кинокартин и неизменные танцы. Лекции здесь бывают редко. Мало еще используются фонды сельской библиотеки.

Историческое прошлое Богородска.

(Информаторы: *Габов Вас. Диомид., 66 лет, Попов Вас. Конст., 53 года, оба грамотные, старожилы, первый – ветеринар, второй – секретарь сельсовета.*)

Есть на берегу Нившеры поблизости от устья возвышенное место под названием Кармыльк – чудское городище. Там земля под ногами колышется, будто бы внутри пустота какая есть. Один старик (он не так давно умер) раскопал там бронзовый кинжал, но при этом сломал его пополам. На городище раскопки производил профессор Жаков, но нашел ли что, не знаем. Раньше здесь чуди жили. Много было знахарей (колдунов). Один из них будто бы сидел на берегу неподалеку от Богородска варил сусло. Другой ехал по реке. Первый и говорит: «Лодка спит». Она остановилась. Тогда второй знахарь рассердился и кричит: «Раз лодка спит, то и сусло спит». Так оно и вышло. Вот какие сказки рассказывали. А то еще было. Когда Стефан Пермский чудь крестил, то одна девка из Сторожевска не пожелала православную веру принимать. Она побежала вдоль Вишеры. Переходя один ручей, сапог потеряла, переходя другой ручей, творог из бурака в воду выронила, а как стала Нившеру перебегать, то и совсем утонула.

Раньше, когда не было в Богородске каменной церкви, то старики и старухи ходили на Вымь в Ляли, где имелась большая церковь. А когда свою каменную церковь построили, то в Ляли уже не ходили. В Богородскую церковь наезжали даже богатые ижемцы молебен отслужить. Бо-

городск раньше был небольшим. Когда волостной архив в 1928 г. отправляли в Сыктывкар, то, читая документы, узнали, что в 1863–64 гг., когда сильный голод был, в селе насчитывалось 35 хозяйств.

Почему вишерцев так отличают от соседей? Да, прежде всего потому, что говор от вычегодского отличный, при разговоре вишерцы тянут, поэтому и дразнят их вычегодские жители. Отличие было и в том, что на Вишере хлеб вымерзал и бедность была большой, а на Вычегде хлеб лучше родился. Известны были вишерцы и своей сплоченностью и отчаянной драчливостью, если кто обидит (особенно в этом отличались большелугские мужики). Особых отличий в жилье и одежде не было, разве только в том, что здесь постарее дома были, и одежда все больше своего изделия.

Поземельных споров со старожилками не было. На ярмарку (Афанасьевскую) ездили в Небдино, да и сюда наезжали скупщики пушнины. До революции переселенцев со стороны не было. Занимались земледелием, но и земля здесь хуже, чем на Вычегде, и леса кругом стояли большие. Хлеб часто вымерзал, крестьяне голодали. Надельной земли было мало, поэтому расчистки под пашню делали, но подсеки было больше. Тылу делали в глухом лесу, верст за 10–15 от села, где кому место приглянется, но обязательно возвышенное, поросшее елью и сосной. Когда вперемежку с елью береза шла, то такое место самое лучшее: опавшие березовые листья давали хороший перегной. Рубили лес, давали ему подсохнуть, а затем начисто все сжигали. Семена ржи бросали прямо в пепел, иногда даже их не заделывая, ибо не было в том надобности. А если заделывали, то самодельной бороной из сучков – тылаагас, но это в тех местах, где на лошади проехать было можно. Но если тыла находилась в непролазном лесу, то всю работу совершали вручную. Боронили ручной каракулей – вроде трехзубных граблей, сделанных из корневища ели; мотыгой не работали. Тыла в хорошие годы давала хороший урожай, до сам-22,5. Этим и кормились, хотя начальство и запрещало рубить лес. Использовали тылу один, иногда два года, но не больше. Затем, если она была поблизости и находилась в удобном для проезда месте, ее превращали или в поле, или, чаще, в пожню. Но больше навсегда ее забрасывали.

На верхней Вычегде, в Помоздине тыла была трехлетней, причем делали ее так: в первый год, сжигал хворост и мелкие стволы, оставляли несгоревшие крупные стволы и пни на подсеке и зерно бросали прямо в золу, собирая урожай, срезали колосы высоко, оставляя солому на корню, и во второй раз пускали пал и снова сеяли. На третий год после жатвы, также оставив солому на месте, сжигали ее вместе с оставшимися несгоревшими стволами деревьев уже начисто и в последний раз совершали посев. Это можно было делать по причине более высокого плодородия почвы. На Вишере подобный способ не применялся.

На обычной пашне с трехпольной плодосменной системой работали сохой с деревянной отвалом. Косуля появилась за несколько лет до I мировой войны, а плуг и того позже, годах в 1927–28. Вспашка до посева производилась весной или осенью три, а то и четыре раза.

Боронили деревянной сохой. Местная почва требовала много удобрений. Под пуд посева ячменя (120 кв. саж.) клали 10–20 возов навоза (воз = 20 пудам). Навоз тщательно накапливали. Соломой скот не кормили, а бросали ее под ноги скоту, для увеличения количества навоза. Навоз клали только под ячмень, ибо рожь, посеянная, на только что унавоженной почве, была хуже, сильно ложилась, а ячмень был хорошим.

В посев полагалось на десятину: ячменя – 20 пудов, ржи – 10 пудов. Весовой счет обычно велся на четверики = 2 пуда. Примерный расчет хлеба при хорошем урожае на семью из восьми человек: восемь пудов ячменя и три-четыре пуда ржи (площадь с учетом пара – 1,2 дес.), при этом семья могла быть обеспечена хлебом до нового урожая (т. е. на человека посева один пуд ячменя и 0,5 пуда ржи). Однако сплошь и рядом хлеб вымерзал или недозревал.

Сеяли также лен и коноплю для собственного потребления. Картофеля было мало, урожай собирали пудов до 20-ти. В конце XIX в. картофель в жареном виде или в шаньгах подавали только к праздничному столу. До 1914 г. сажали картофель на грядках в лунки, наделанные колом или выкопанные руками. Окучки не знали. Только после революции, когда многие мужчины побывали в России и посмотрели, как там выращивают картофель, картошку стали сажать под лопату и плуг на приусадебном участке и в поле.

Держали много скота, особенно коров, до шести-семи, иногда восьми (это были еще не богачи, а самостоятельные хозяева), но были малокоровные и безкоровные. Получалось, впрочем, так, что коров много, а хлеба нет, весь вымерз. Много скота держали из-за получения навоза. Если же в какой год трава на лугах не уродилась, то лишний скот резали. Овец держали до 30. Лошадей обычно была одна, реже две.

Хотя охотой занимались не все крестьяне, а наиболее искусные, все же охота была развита значительно. Делилась по сезону на осеннюю (сентябрь – ноябрь), на которую ходили многие вишерцы, и весеннюю (февраль – март), которой занимались только наиболее искусные, хорошие стрелки и имеющие хороших собак. Охотились по верховьям Вишеры, Нившеры, доходя до Тобыся ижемского. Здесь имели избушки (по три-четыре) и исконные путики. Основной вид добычи – дичь (рябчик) и белка. Ловили зайцев капканами, петлями и в ямы. Брали лосей гоним по насту артелями в три-четыре человека.

За сезон добывали белки 200–300 штук, а умельцы иногда до тысячи. Хорошим считался охотник, не дающий промаха и бьющий белку в глаз. Ружья долгое время были кремневые, самодельные (стволы изготовляли местные кузнецы), их сменили пистонные и только после революции ружья центрального боя. Цены на белку были невысокие, копейки две за штуку. Рыбной ловле занимались далеко не все (ловили только для себя, а если и продавали, то своим лишь односельчанам).

Заработок давали отход на дроворубные работы в уральские заводы Чусовой, Кизел, куда ходили дважды в год: с осени до Рождества, а затем, отдохнув дома, с Крещения до весны, а иногда оставались до июня.

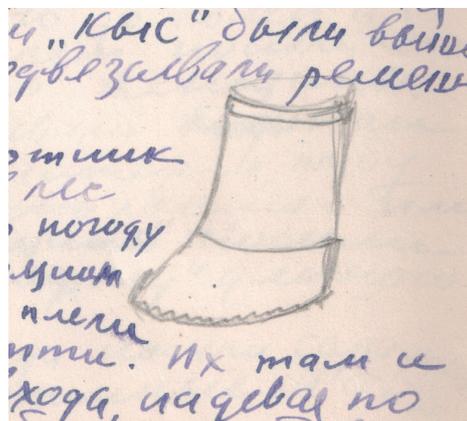
В последнем случае посев хлеба производили женщины и подростки, в семьях, где не оставалось мужчин.

Развивались лесозаготовки; вначале мало кто этим занимался, но с 1906–1908 гг. все больше и больше. Лес рубили зимой, а весной сплавляли до Усть-Сысольска. Хозяевами промысла были многочисленные купцы (Русанов, Кирсановы, Беляевы, Сурков). Ходили также на заготовки и сплав леса на Тобысе. Поэтому и охота зимняя резко сократилась. Заработки были хорошие – рублей до 200. Благодаря этому и свое состояние стали поправлять: особенно хорошими были 1910–1911 годы до войны.

Из своего хозяйства продавали дичь, пушнину, масло (пудов до двух на хозяйство), мясо, кожи, овчины. Почти все необходимое делали сами, но было развито и ремесло. Валенки катали сами или отдавали шерсть специалистам-пимокатам на заказ. Местные пимокаты, сапожники, портные ходили на промысел в Усть-Куломский и Помоздинский районы. Крашение холстов и набойка на заказ производились в Б. Луге, Вомыне, Пезмоге. Было много своих бондарей, были плотники столяры, кузнецы, мастера по изготовлению лодок – осиновок и дощаников.

Женщины сами делали горшки от руки: месили тщательно глину, подмешивали песок и дробленый камень, формовали, сушили на печи, обжигали в русской печке, и еще горячие опускали в сусло (*чужва*). Горшки после обжига приобретали черный цвет. Для хранения и сквашивания молока они были лучше покупных. Настоящее гончарство на кругу было в Сторожевске. Там делали настоящие оловянные горшки.

Овчины, сыромятную кожу, холсты, шерстяную ткань, конопляную ткань, нитки, веревки изготовляли сами. Для настоящих сапогов на ярмарке или у местного торговца приобретали готовый товар, но шили и самодельные сапоги (*кыс*) из сыромятины. Делали их так: вырезали продолговатую подошву и подшивали к ней вкруговую через край головку, а уж к нему кожаный (иногда суконный) верх, который завязывался ремнем, а если *кыс* были выше колен, то подвязывали ремешками к поясу. В такой обуви охотник смело пускался в лес в любую мокрую погоду. Для работы в грязном скотном дворе плели берестяные лапти. Их там и держали, возле входа, надевая по надобности на обычную обувь и валенки. Лапти скотницами употребляются по сей день.

Кыс.
Homemade boot.

Долгое время носили одежду из тканей собственного изготовления. Рубаха мужская была простой крашеной или пестрядиной в крупную клетку. Из тонкого холста шили и праздничную. Из покупного ситца или сатины была только праздничная рубаха, причем новой не покупали до тех пор, пока не износится старая. Нижней рубахи не носили. Рабочая рубаха бывала и конопляной. Подштанники шили из холста, но штаны были или холщевые белые, или из покупной дешевой ткани.

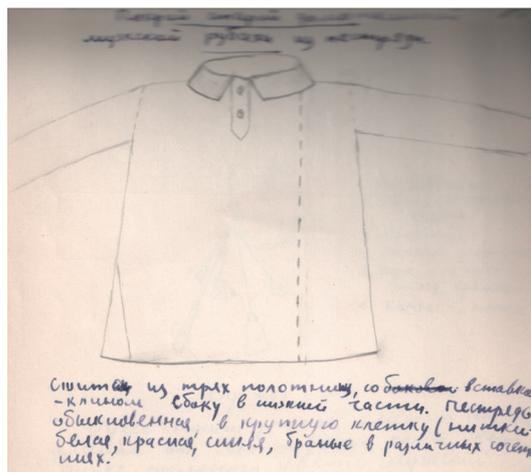
Повседневной верхней одеждой был *дукес* из чистой (белой или черной) шерсти – род длинного кафтана. Носили оба пола. *Сукман* – наполовину из шерсти, наполовину из льняной нитки, длинного до колен или даже почти до пят, носили его исключительно женщины. На праздник надевали кафтан из покупной материи, шубу покрытую холстом или сукном. Женщины носили распашную *кофту* длиной до пояса. Женщины всегда носили сарафаны – *шушун* – холстинные. И сейчас еще некоторые носят матерчатые сарафаны, но холстинные уже исчезли окончательно. Зимней одеждой была шуба, иногда белая, шилась также «малича» из овчины, ее носили не все. Ижемцы привозили продавать и настоящие малицы, совики, пимы, тобоки.

Курные избы на памяти информаторов уже не существовали, о них помнят по рассказам родителей. Изба такая имела две половины (кум и керку), «чуланов» (боковушек, горниц) не было. Чуланы стали строить только в конце XIX – нач. XX вв. Внутреннее убранство было бедным. Кроватей, ватных одеял не знали до самой револю-

ции. Спали на полотах и на полу, род кроватей в летнее время использовался на повети. Но на соломе мало уже кто спал, были перьевые перины, одеяла шили из овечьих шкур. Освежалось жилище лучиной, керосиновые лампы стали появляться только в начале века.

(Информатор Игушев Вас. Ив., 52 г.р, хорошо говорит по-русски).

Кармыльк – небольшая горка, а стукнешь, так звон идет, будто внутри ее пусто, но копать никто не копал. Рассказывали, будто на месте Богородска в давние времена лес стоял, приехал один рыбак на лодке, место понравилось, рыбачил здесь, а затем лес рубить начал, маленькую полянку расчистил для посева, а затем пошло и пошло строиться. Ниже Б.Луга до устья 22 версты, не селились по причине большого леса. Все старые фамилии – и Подоровы и Жижевы в том числе – издавна здесь живут, никто на моей памяти сюда с Вычегды не переселялся, а вот за последние годы многие богородские разъехались и в Шойнаты и Сыктывкар. Русские здесь раньше не жили, кроме попа, если, бывало, скажет что детям по-русски, они бегом к матери со слезами. С 1930 г. стали постигать русский язык. Я сам до этого года по-русски совсем не понимал.

Покрой старой дмотканной мужской рубахи из пестряди.
The cut of an old homespun men's shirt from a patchwork.

Сшитая из трех полотнищ, со вставкой-клином сбоку в нижней части. Пестрядь обыкновенная, в крупную клетку (нитки – белая, красная, синяя, браные в различных сочетаниях).

Снаряжение охотника

Лоз – обычного типа, карманы для добычи и внутренней задней части, на спине скоба для топора.

Охотничий пояс – слева нож, справа железная скоба для топора.

Снаряжение для ружейной охоты.

Одежда

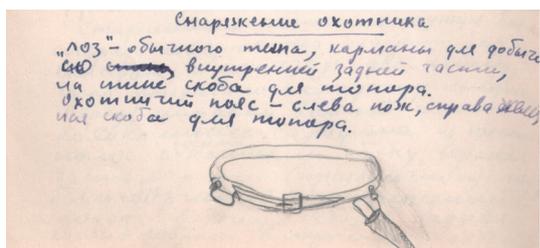
Дукес носили раньше вместо пиджака, длиной он был повыше колен. Женский *дукес* темного цвета, мужской – белого. Старинный женский *шушун* был спереди совер-

Время сооружения жилых домов по Богородскому сельсовету (данные хозяйственных книг) Construction time of residential buildings in Bogorodsk Village Soviet (data from household books)

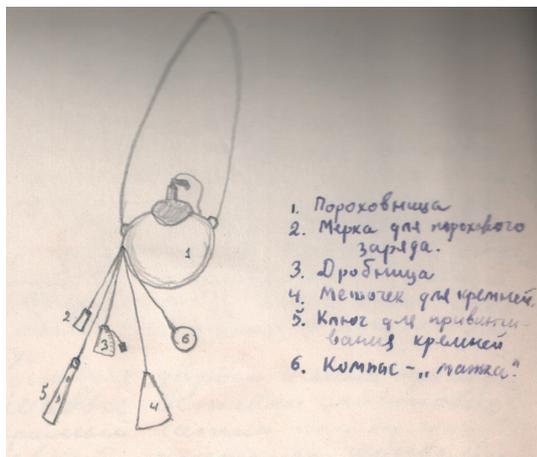
Годы	Пасьвомын	Троицк	Сюзяиб	Богородск
до 1900	1	14	6	3
1901-1905	-	8	11	12
1906-1914	5	11	17	11
1915-1917	-	-	2	6
до 1918*	1	-	10	14
1919-1920	6	4	4	7
1921-1925	6	12	4	18
1926-1930	-	9	11	20
1931-1941	-	-	3	3
позднее до 1951	-	-	1	1

*Пояснение: данные на 1918 г. еще не означают, что все дома построены в этом году, просто точные даты основания не известны, но владельцы показывают, что это было до начала Гражданской войны. Впрочем, годы с начала века до I мировой войны были отмечены значительным строительством в связи с развитием заработков на лесозаготовках, после войны, по словам старожилов, и в период НЭПа также было много построено домов (идут семейные разделы, старые жилища обветшали). В этот период застраивается площадь позади старой части селения за неширокой полосой болотистой.

*Note: data for 1918 does not necessarily mean that all the houses were built in that year; the exact dates of their construction are simply unknown, but the owners indicate that this was before the Civil War. However, the years from the beginning of the century until World War I were marked by significant construction due to the development of logging. After the war, according to old-timers, and during the NEP period, many houses were also built (family divisions were underway, and old dwellings fell into disrepair). During this period, the area behind the old part of the village, beyond a narrow strip of marshy land, was developed.

Охотничий пояс: слева – нож, справа – железная скоба для топора.
Hunting belt – knife on the left, an iron bracket for an axe on the right.

Снаряжение для ружейной охоты: 1. Пороховница; 2. Мерка для порохового заряда; 3. Дробница; 4. Мешочек для кремней; 5. Ключ для привинчивания кремней; 6. Компас – «матка».

Equipment for rifle hunting: 1. Powder horn; 2. Measure for the powder charge; 3. For pellets; 4. A bag for flints; 5. A key for screwing flints; 6. Compass – «uterus».

шенно гладкий, без складок, имел сзади два клина, что придавало сарафану пышность. Перед I мировой войной шили косоклинные сарафаны из шести полос с косыми клиньями с боку, верхняя часть сарафана (праздничного) – лифа – была сборчатой, передний подол – в легкую сборку, задняя часть собрана в строчечную складку. Рубаха *дөрём* имела небольшую верхнюю часть пестрядиной, с рукавами и подмышечными вставками – *кунлес*, к ней подшивалась длинная станина из белого холста.

Различалась повседневная и праздничная одежда. Та и другая шились из пестряди, но рабочая рубаха и *шушун* были из одного холста, пестрядь неяркая, в мелкую однообразную клетку; праздничная шилась из ткани сотканной

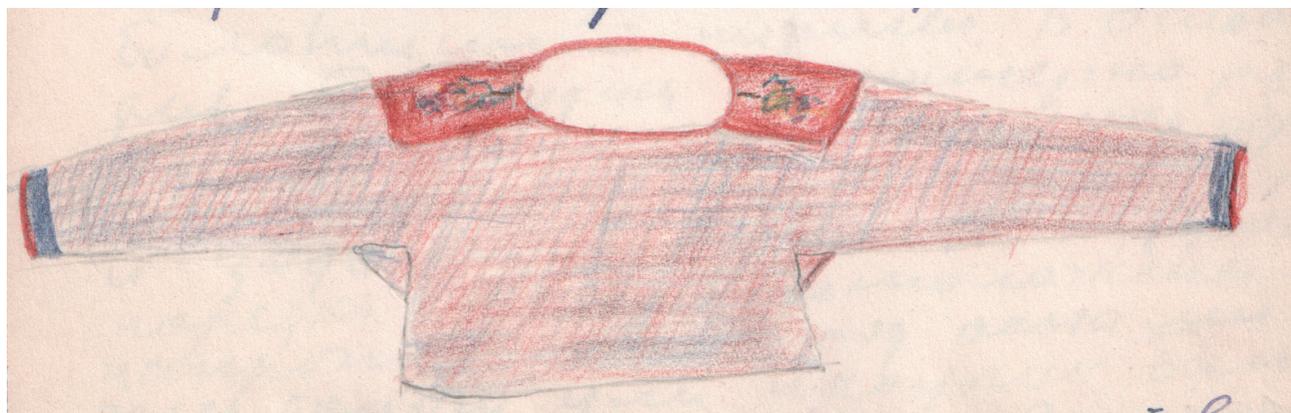
из шерстяной и льняной нити попеременно, была она более яркой, более пестрой, в крутую светлую клетку. Праздничная *дөрём* имела прямоугольные плечевые вставки – *ластович*, красный сатин или кумач, с вышивкой – например, черными, зелеными и желтыми нитками растительный узор (ветка с листьями). Верхняя часть очень короткая (чтобы сарафан только покрывал подшитую белую станину – материал берегли). Ворот не имеет разреза, край ворота обшит красной тесьмой и собран в мелкую сборку.

Вообще необходимо отметить, что старинная одежда сохранилась, но не у всех. Насколько она вышла из употребления видно из того, что никто ее не станет надевать хотя бы из риска быть осмеянным. Сохраняются и *сера чувки* – узорные чулки с богатым полихромным геометрическим орнаментом. Такие чулки невеста обязательно должна была поднести жениху. Узорных полотенец разыскать не посчастливилось. Раньше они, конечно, были, но многие проданы в трудные военные годы. Характерно, что по традиции на настенное зеркало вешаются простые вафельные полотенца.

Поселение и жилища

Наиболее старая часть Богородска расположена по берегу реки, более новая часть, отстроившаяся уже после 1918 г., расположена в глубь материка за неширокой полосой болотистой низины. В основном для Богородска характерно рядовое расположение жилищ, обращенных фасадом в сторону реки и задом в лицо последующего порядка. Амбары расположены напротив домов под окнами через дорогу или проулок, бани, как правило, на задках. Огороды сбоку и сзади домов. Некоторые строения нарушают правильный рядовой порядок, стоят поперек.

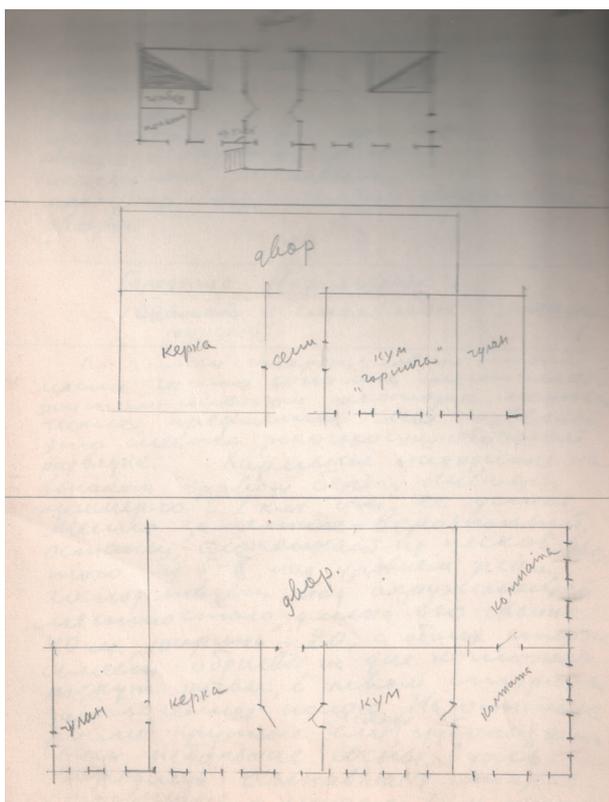
Наиболее правильный порядок в новой части селения. Типов жилищ несколько. Наиболее старый из них – типично трехраздельный дом, со входом по фасаду, причем *керка* имеет небольшие два-три окна по фасаду, а с боковой стороны – одно печное окошко. В куме окна побольше, полатей нет, равно как и печного окна. Этот тип получил дальнейшее развитие в виде пристройки к куме *чулана* – горницы в два обычных или одно большое окно по фасаду или одно окно сбоку. Развиваясь, такая застройка вытянулась в длину – *чуланы* появились как в ряду с *кумом*, так и с *керкой*. Встречаются дома, имеющие вытянутую

Праздничная рубаха *дөрём*.
Festive shirt *döröm*.

(в четыре-пять окон) половину без капитальной внутренней стены, но разделенные обязательно внутренней перегородкой на комнату и чулан. Двор примыкает только к центральной части, чуланы – особо.

Следующий тип, довольно поздний, представляет собой дом, у которого боковая часть превратилась в пятистенок, а двор занял незначительную (одну четвертую и даже меньшую) часть всей площади застройки. Наконец, наиболее поздний, характерный для совр. строительства, тип – обычный пятистенок: со входом с боковой стороны. В настоящее время заново сооружаются пятистенки, но при капитальном ремонте старых жилищ сохраняются старые конструктивные особенности. Традиции не умерли: печное окошко прорезается и при перекладке стен старых жилищ, но полаты, конечно, исчезают. К новым

Виды дворов.
Types of yards.

домам по-прежнему пристраиваются двухэтажные дворы.

Городище Кармыльк (беглое обследование с закладкой шурфов)

По словам старожилов, на этом месте часто копались местные жители, находили некоторые металлические предметы. Мы подвергли это место рекогносцировочной разведке. Кармыльк находится на высоком правом берегу Нившеры примерно в 2 км от ее устья. Место заметное – вероятный останец, сложенный из песков, высотой 5–7 м над уровнем реки, господствует над окружающей местностью, длина его свыше 40 м, ширина – 20, с обеих сторон имеет обрывы, на дне которых текут ручьи, с левой стороны заболоченная полоса. На останце росли крупные ели и сосны (срублены), остались небольшие сосны. Вдоль городища осыпавшаяся старая траншея, длиной до 10 м,

шириной до 1,5–2 м, глубиной до 0,7–1 м. Часть останца, обращенная к реке, явно осыпалась. На краю этого обрыва, под корнями мелких сосенок нами обнаружен культурный слой, резко выделяющийся от боковых, верхних и нижних природных слоев, своим темно-серым цветом. Это несомненно очажная яма в диаметре до 1 м, глубиной до 0,5, заполненная золой и углистыми скоплениями. В слое найден только осколок пережеванного гранита. Очажная яма полностью перекопана нами, но никаких иных находок ни в ней, ни подле нее не обнаружено.

Культурный слой прослеживается и вдоль останца на расстоянии до 20 м от обрыва со стороны реки, но только в левой части останца на ширины не более 2–3 м, как раз по краю старой траншеи (т. е. всего культурный слой занимает не более 100 кв. м). Это слой, толщиной в 15–20 см, находится под дерниной и светлыми зловыми песками на глубине в 20–30 см. Под ним идут совершенно чистые нетронутые пески. В культурном слое масса раздробленного, распадающегося на части камня, явно побывавшего в огне. Все условия местонахождения указывают, что здесь действительно существовало городище.

Большелугский сельсовет. Третье после Нившерского и Богородского гнездо селений на расстоянии примерно 5 км. Сельсовет охватывает: с. Большелуг, дд. Ивановск, Макарсикт, Зулоб, Вылиб. Здесь расположен колхоз им. Ленина. В селе имеются: семилетняя школа, больница, детский сад и ясли, клуб. Колхоз имеет земледельческо-животноводческое направление. В индивидуальном хозяйстве, колхозники, наряду со скотом (коровами, овцами, свиньями, козами) имеет посевы картофеля, овощей, ячменя и немного конопли. В зимнее время, как и в Богородске, молодежь работает на лесозаготовках.

Историческое прошлое по показаниям старожилов. (Мишарин Павел Федорович, 71 г., колхозник, по-русски говорит).

Откуда Большой луг стал так называться, неизвестно, но под деревней действительно большой луг, образовавшийся потому, что Вишера изменила свое течение, стала ближе к деревне. По ту сторону реки на бору, в 4 км от Б. Луга, есть старые большие ямы – «чудыгу», их копал какой-то инженер, но ничего не нашел.

Жили здесь в деревне все старые фамилии, никто, на памяти, сюда со стороны не приезжал, зато многие переселились отсюда на Вычегду, в Пермскую губ., в Сибирь, в Кунгур, в Томскую губ. Также из Нившеры и Богородска. Русских совсем не было, и почти никто по-русски из местных жителей говорить не умел. На памяти возникла церковно-приходская школа, учил поп коми-зырянин по языку. По-русски немного говорили отходники, и то не все. Только после I мировой войны, когда вернулись солдаты, знающих русский язык стало больше.

Занимались земледелием, но земли было мало: четверо бедняков – посев ржи 3–4 пуда, ячменя 5–6, а четверо богатых, которые делали расчистки (с помощью работников), посев был ячменя пудов до 20 и ржи – 6–8 пудов. Это считался уже богатый хозяин. Урожай был разный, если не померзнет хлеб, то уродится сам-5–6–7, сам-10 было

очень и очень редко. Многие делали тылу в глухом лесу. Рубили же весной, он сохнул год, на следующую весну его сжигали, и осенью сеяли рожь. Служила подсека только один год, а затем ее обычно забрасывали, если была она далеко от селения и не годилась под пожню. Подсека зарастала лесом, и лет через 20 она снова могла быть использована как прежним хозяином, так и кем угодно.

Вообще хлеба не хватало, и привозили его из Сибири. Многие крестьяне занимались охотой, но не все. Уходили на уральские заводы рубить дрова один раз в год, весной в марте, возвращались в июне. Посев хлебов совершали женщины, подростки и старики. Затем развились местные лесозаготовки. Лес здесь рубить начали давно, годов около 70 тому назад, но по-настоящему широко заготовки начались с 1907 г. Все почти в них участвовали, даже на заводы ходить стали меньше. Каждый самостоятельно рубил и сплавлял до Усть-Сысольска лес. Лес был крупным, не менее 5½ вершков в верхнем отрезе, стоимость одного бревна рубка 45 коп, сплав до места – 25 коп. За потерянное бревно – штраф три рубля. Заработок был хороший. Были свои каталы валенок, ходили на работу по верхней Вычегде и на Печору.

Мишарин Максим Ив., 72 г., колхозник, говорит преимущественно по-коми.

В верхнем конце Большелуг есть холмик такой, называемый по-старинному Кармыльк. Когда сюда пришли первые жители, неизвестно, но старые люди рассказывали, что, когда деревня уже была, сюда в целях занятия скотоводством из Чита (под Сыктывкаром) переселился старик Симпелев с тремя сыновьями – Захаром, Ёней, Александром и внуком. У них вверх по Вышере за 40 верст были охотничьи угодья – назывались Эребстан. От них пошли здешние Симпелевы.

Отходничество издавна было. Деда и отцы ходили до Сыктывкара наниматься косить сено, затем стали ходить на уральские заводы, а под конец лесозаготовками занялись. Ходили на заводы в марте пешком через Екатеринбургский канал от зимовья к зимовью, выходили на Чердынь, а оттуда на заводы. По-русски говорили плохо. Сам отходником был не раз, но русский язык не выучил. Обрато возвращались на лодках, купленных в складчину. В лодке было шесть человек, трое гребли, остальные отдыхали.

Черные избы (*сьёд керка*) помнит, и сам в них жила в молодости. Окна у них были маленькие, в старину заткнутые брюшиной, но уже при его отце из Усть-Сысольска купцы стали привозить готовые застекленные рамы (стекло было мелкое, из кусочков). В горнице тоже вначале была черная печь, но полатей не было, затем здесь стали ставить белые печи. Чуланы стали пристраивать уже на его памяти.

Одежда была рабочая из грубого холста: мужская *шабур* – белый, длинный, ниже пояса, почти до колен, с рукавами и с дыркой для головы (глухой). Затем появилась тоже длинная одежда, как халат, запахивающиеся на одну сторону, ее сменила более короткая, но такая же по покрою. Женская рабочая одежда – *дудник*, крашенный

дубом (ивовой корой) в бурый цвет, разреза спереди не имел. Праздничная одежда шилась: женская – из люстрина, из китайки, мужская (у богатых) – из панки. Но носили и из своедельного тонкого белого холста (рубаша). Шубы в начале тоже были длинные, затем стали покороче.

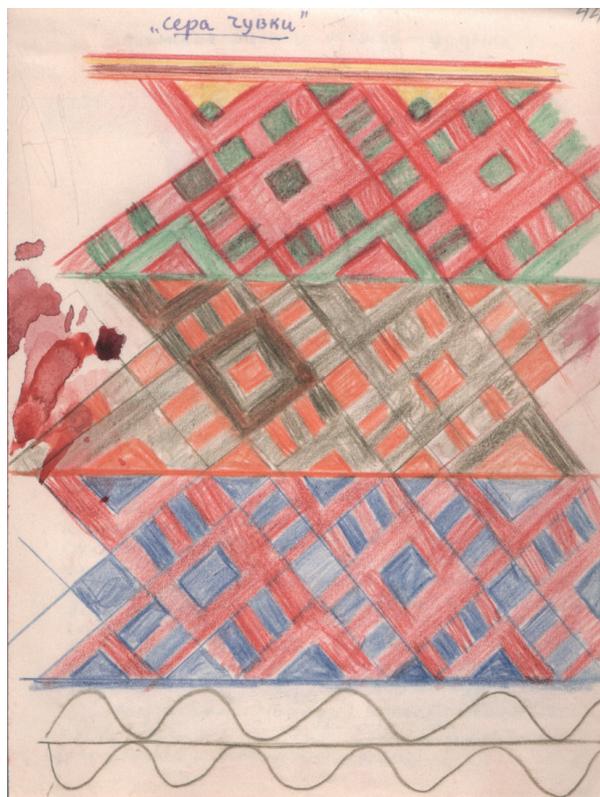
Обувь своедельная: валеные из шерсти головки – *тюни* для домашнего обихода. *Коты* – низ и головка из сыромятной кожи, верх из толстого сукна. *Кыс* – головки из кожи, верх подшит суконный (для ходьбы подле дома). Охотники имели кыс с высокими смолеными голенищами. Шили *кысы* из коровьей кожи, снятой чулком с ног. Зимой носили валенки – катанки.

Раньше центр, куда тянула все Вишера, были Ляли, затем – Усть-Нем, после – Небдино и, наконец, Богородск. На Ляли существовала зимняя тропа «Сереговпас». Брачные связи были с Богородском и Нившерой, а также и Сторожевском и верхневичегодскими селениями.

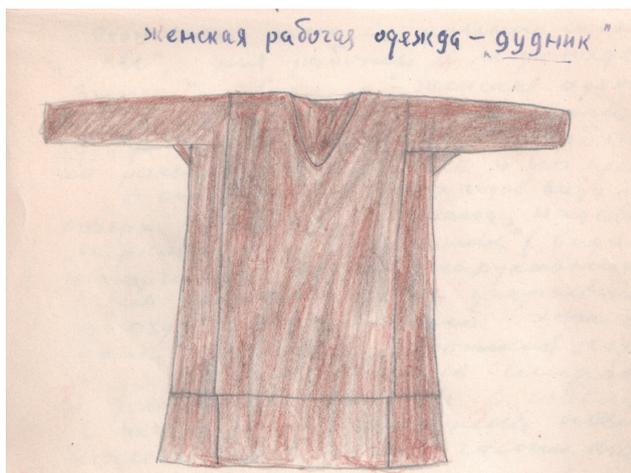
Потребляли в голодные годы кач – толченую пихтовую кору, осиновые опилки. [Этим Вишера особенно выделялась среди других не менее, может быть, бедных волостей. – Прим. Л. П. Лашука].

Шит из грубого холста, окрашенного дубом – настоящим ивовой коры. Способ пошива: кусок холста шириною в 40 см и длиною 190 см перегнут пополам, в верхней части спереди сделан трехугольный вырез для головы (это основа одежды). Сбоку подшиты слегка расширяющиеся к низу вставки, а к нижней части подшит подол шириною в 23 см; рукава прошиты к центральному полотнищу, под мышками треугольные ластовицы.

Мужской *шабур* шился таким же образом. Но был белого цвета (некрашенный). Охотники носили длиннополый

Сера чувки.
Knitted stockings.

Женская рабочая одежда – дудник.
Women's work clothes – dudnik.

дукес, для работы в лесу надевали зипун. Сукман – женская одежда из льняной и шерстяной нитки. Сшита в талию, сзади складка. Одежда в последнее время рабочая, но раньше носили ее и по праздникам.

«В старину», до 1900-х годов, видимо, поверх рубахи и сарафана, надевали нарконь, или нарконик (видимо, испорченное русское «нарукавник») – очень короткий, едва закрывающий рубаху, пестрядинный. Эта одежда была сменена короткой кофтой, а затем появились широкие и длинные кофты с юбкой. С начала века женщины на голове носили по большей части платок.

Дудники носили бабушки и матери, а женщины, имеющие ныне 50–60 лет, в качестве рабочей одежды использовали уже старые сукманы.

Шушун, коему возраст ныне 50–60 лет, в верхней части спереди (своего рода лиф) был в засроченную складку, сзади складчатый до подола.

Наиболее старая часть Большелуга находится под горой, над самым берегом Вишеры, вытянута в один ряд (типично приречно-рядовой). Выше расположена улица с двумя рядами домов, обращенных друг к другу фасадами и разделенных дорогой. В других селениях замечается такая же планировка. Особенность верхней части Большелуга – редкая расстановка дворов.

Типы домов такие же, что и в Богородске, но старых больше, чем типичных пятистенков. Масса домов, не имеющих чуланов. Строящиеся новые дома пятистенки или (в одном случае) полностью воспроизведен старый тип – керка + сени + кум, и сзади двухэтажный двор.

Время сооружения жилых домов по Большелугскому сельсовету
The time of construction of residential buildings
in Bolshelug Village Soviet

Годы	д. Вылиб	д. Зулоб	Макарсикт	Ивановск	Большелуг
до 1900	2	10	–	–	7
1901–1917	6	8	1	1	10
1918	30	10	46	34	63
1920–1930	12	3	22	4	27
1931–1941	2	–	2	–	8
1946–1956	2	–	–	–	6

Особенность хозяйства. В сельсовете много охотников-профессионалов, в лесу в верховьях Вишеры, Нившеры и мелких речек имеют охотничьи избышки. Сюда же ездят на рыбную ловлю. Развита сбор ягод, грибов, их мочение, соление, сушение на зиму.

С. Небдино. Этим понятием объединяется несколько селений на расстоянии 9 км, ясно отделяющихся друг от друга. Собственно Небдино составляют сикты: Вичкосикт (погост), Пилясикт, Яксикт, Мартесикт, Тимасикт, Катыд. К ним примыкают деревушки Ануфриевка, Аникеевск, Паркерос.

Основная часть современного Небдина в виде двух обрамленных лицом друг к другу порядков вытянута вдоль тракта Сыктывкар – Усть-Кулом, но отдельные жилища стоят фасадом к реке, у самого края надпойменной террасы, т. е. являются остатками старой планировки селения (приречно-рядовой).

Примерное время сооружения жилищ
Approximate time of housing construction

Время постройки	Небдино	Паркерос	Трофимовск	Ануфриевка
до 1900	255	6	5	3
1901–1917	33	7	11	8
1918–1920	13	–	2	3
1921–1930	32	2	3	6
1931–1941	4	–	–	–
1941–1951	1	–	–	–
Позднее	1	–	–	–

Типы жилищ одинаковы со Сторожевском и Вишерой, но: 1) гораздо больше пятистенков, простых и сложных (имеющих к тому в основе две избы, разделенные сенями и чуланом); и 2) появляются, правда, в небольшом количестве, дома со средней небольшой горницей в два окна, имеющие вход не по фасаду, а сбоку, и расположенные по обоим скатам крыши. Любопытно, что некоторые дома, построенные по старому плану (изба + сени + другая изба, все под одним скатом, а под другим – двор), также имеют ход сбоку, а на месте сеней – комнатку с большим окном. Раньше дома с чуланами были только у богатей, после революции многие стали их строить.

Небдино – старое торговое село для всей здешней округи и Вишеры. С 18 января по старому стилю здесь собиралась большая Афанасьевская ярмарка, на которую со стороны Усть-Сысольска приезжали на лошадях торговые люди – устьсысольские, вятские, казанские, нижегородские, приезжали и чердынцы. Крупные торгаши имели здесь свои магазины, в которые товары завозились с лета, но торговали только неделю. Местные жители продавали пушнину, кожи, масло.

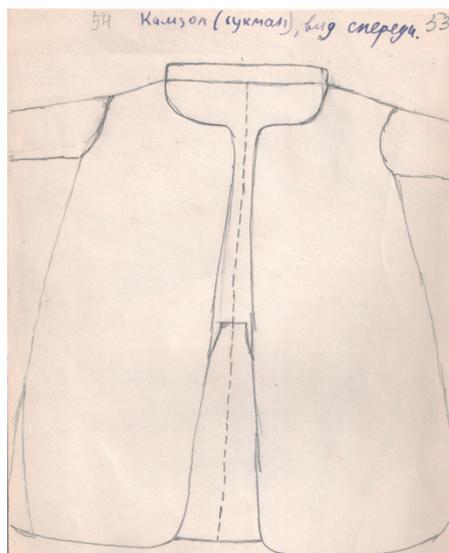
Земледелие было развито слабо, хлеба не хватало. Охотились небдинские крестьяне мало, больше охотников было на Вишере. Лесозаготовками тоже занимались немногие. Главный неземледельческий промысел жителей Сторожевска, Небдина, Пезмога составлял ежегодный массовый отход на уральские заводы, напр., на Богословский. Уходили мужчины, нередко с женщинами – женами

и дочерми, целыми семьями: пропитание на месте было скудное.

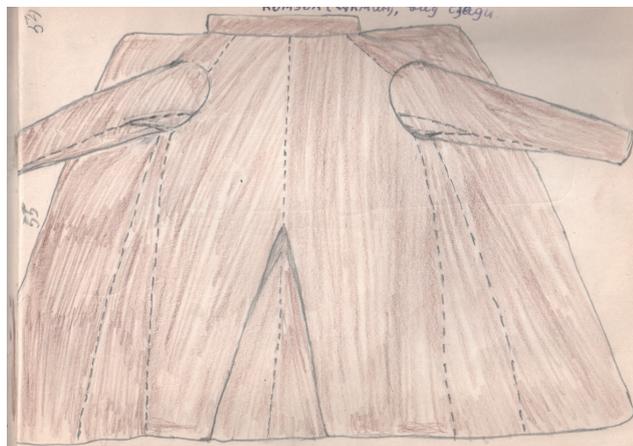
Одежду делали сводельную из холстов и сукон. Кончили их носить, как возникли колхозы. С 1930-х гг. лен уже не сеяли, обходились покупной мануфактурой. Обувь кыс делали так: снимали кожу с ноги коровы, из сырой же кожи шили «кыс» мехом вверх, а затем клали в смоляную воду для предотвращения гниения и придания большей прочности. Носили кыс и после революции.

Корткеросский район. С. Пезмог

[В этом разделе приведены только два рисунка и их названия, другой текст отсутствует – И. Ж., В. С.].

Камзол. Сукман. Вид спереди.
Doublet (sukman), front view.

Камзол. Сукман. Вид сзади.
Doublet (sukman), rear view.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

1. Миронова, Н. П. Л. П. Лашук: от этнической истории к исторической социологии / Н. П. Миронова, В. В. Карлов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2019. – № 4. – С. 72–80.

2. Жеребцов, И. Л. Этнограф Л. П. Лашук (биографический очерк) / И. Л. Жеребцов // Очерки по истории изучения этнографии коми / отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Кола, 2007. – С. 108–119.
3. Лашук, Л. П. Научный отчет о работе Сысольского этнографического отряда в 1958 году / Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов // Научный архив Коми научного центра УрО РАН (далее – НА Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 37. 214 л.
4. Научное наследие. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Материалы к этнической истории сысольских коми (из отчета Сысольской этнографической экспедиции Коми филиала АН СССР 1958 г.) / сост.: И. Л. Жеребцов, Л. Я. Канева // Историческая демография. – 2020. – № 2. – С. 52–70.
5. Научное наследие. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Материалы к средневековой истории сысольских коми (из отчета Сысольской этнографической экспедиции Коми филиала АН СССР 1958 года) / сост.: И. Л. Жеребцов, Л. Я. Канева // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2021. – № 4. – С. 94–97.
6. Лашук, Л. П. Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. / Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. 151 л.
7. Научное наследие. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. Материалы к этнической истории / сост.: И. Л. Жеребцов, Л. Я. Канева // Историческая демография. – 2021. – № 1. – С. 57–74.
8. Научное наследие. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Материалы по хозяйственному укладу населения Прилузья (из отчета Прилузской этнографической экспедиции 1959 года) / сост.: И. Л. Жеребцов, Л. Я. Канева, В. А. Саблин // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2023. – № 1. – С. 224–230.
9. Лашук, Л. П. Старая Вишера / Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4. – С. 83–127.
10. Лашук, Л. П. Этнографический уклад населения верхней Вычегды / Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1960. – Вып. 5. – С. 53–98.
11. Личное дело Лашука Л. П. // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 19. Д. 409. 58 л.
12. Жеребцов, Л. Н. Научный отчет за 1960 год об итогах этнографической экспедиции в бассейне реки Локчим / Л. Н. Жеребцов // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 55. 59 л.

References

1. Mironova, N. P. L. P. Lashuk: ot etnicheskoi istorii k istoricheskoi sociologii [L. P. Lashuk: from ethnic history to historical sociology] / N. P. Mironova, V. V. Karlov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2019. – No. 4. – P. 72–80.

2. Zherebtsov, I. L. Etnograf L. P. Lashuk (biograficheskiy ocherk) [Ethnographer L. P. Lashuk (biographical sketch)] / I. L. Zherebtsov // Essays on the history of the study of Komi ethnography / Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Kola, 2007. – P. 108-119.
3. Lashuk, L. P. Nauchnii otchet o rabote Sysolskogo etnograficheskogo otryada v 1958 godu [Scientific report on the work of the Sysola ethnographic group in 1958] / L. P. Lashuk, L. N. Zherebtsov // Scientific Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 2. D. 37. 214 l.
4. Nauchnoe nasledie. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materialy k etnicheskoi istorii sysolskikh komi (iz otcheta Sysolskoi etnograficheskoi ekspeditsii Komi filiala AN SSSR 1958 g.) [Scientific heritage. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materials on the ethnic history of the Sysola Komi (From the report of the Sysola ethnographic expedition of the Komi Branch, USSR Academy of Sciences in 1958)] / Comp. I. L. Zherebtsov, L. Ya. Kaneva // Historical demography. – 2020. – No. 2. – P. 52-70.
5. Nauchnoe nasledie. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materialy k srednevekovoi istorii sysolskikh komi (iz otcheta Sysolskoi etnograficheskoi ekspeditsii Komi filiala AN SSSR 1958 goda) [Scientific heritage. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materials on the medieval history of the Sysola Komi (from the report of the Sysola ethnographic expedition of the Komi Branch, USSR Academy of Sciences in 1958)] / Comp. I. L. Zherebtsov, L. Ya. Kaneva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series «History and Philology». – 2021. – No. 4. – P. 94-97.
6. Lashuk, L. P. Otchet Priluzskoi etnograficheskoi ekspeditsii 1959 g. [Report of the Priluzye ethnographic expedition of 1959] / L. P. Lashuk, L. N. Zherebtsov // Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 2. D. 48. 151 l.
7. Nauchnoe nasledie. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Otchet Priluzskoi etnograficheskoi ekspeditsii 1959 g. Materialy k etnicheskoi istorii [Scientific heritage. Lashuk L.P., Zherebtsov L.N. Report of the Priluzye ethnographic expedition of 1959. Materials on ethnic history] / Comp. I. L. Zherebtsov, L. Ya. Kaneva // Historical demography. – 2021. – No. 1. – P. 57-74.
8. Nauchnoe nasledie. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materialy po hopyaistvennomu ukladu naseleniya Priluzya (iz itcheta Priluzskoi etnograficheskoi ekspeditsii 1959 goda) [Scientific heritage. Lashuk L.P., Zherebtsov L.N. Materials on the economic structure of the population of the Priluzye region (from the report of the Priluzye ethnographic expedition of 1959)] / Comp. I.L. Zherebtsov, L. Ya. Kaneva, V.A.Sablin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series «History and Philology». – 2023. – No. 1. – P. 224-230.
9. Lashuk, L. P. Staraya Vishera [Old Vishera] / L. P. Lashuk, L. N. Zherebtsov // Historical and philological collection. – Syktyvkar, 1958. – Issue 4. – P. 83-127.
10. Lashuk, L. P. Etnograficheskii uklad naseleniya Verhnei Vychegdy [The ethnographic way of life of the Upper Vychegda population] / L. P. Lashuk, L. N. Zherebtsov // Historical and philological collection. – Syktyvkar, 1960. – Issue 5. – P. 53-98.
11. Lichnoe delo L. P. Lashuka [Personal file of L.P. Lashuk] // Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 19. D. 409. 58 l.
12. Zherebtsov, L. N. Nauchnii otchet za 1960 god ob itogakh etnograficheskoi ekspeditsii v basseine reki Lokchim [Scientific report for 1960 on the results of the ethnographic expedition in the basin of the Lokchim River] / L. N. Zherebtsov // Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op.13. D. 55. 59 l.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторах:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ORCID: 0000-0002-7115-4547 (167023, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.ilkomisc.ru).

Саблин Василий Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета (160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: sablin@inbox.ru).

Authors:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-7115-4547; (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167023, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Vasily A. Sablin – Dr. Sci. (History), Head of the Department of General History and World Politics at the Institute of Social Sciences and Humanities of Vologda State University (15, Lenin st., Vologda 160000, Russian Federation, e-mail: sablin@inbox.ru).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Историко-этнографическая командировка Л. П. Лашука 1956 года на верхнюю Вычегду. К 100-летию со дня рождения ученого / И. Л. Жеребцов, В. А. Саблин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 137–150.

For citation:

Zherebtsov, I. L. L. P. Lashuk's historical and ethnographic trip to the Upper Vychegda in 1956. To the 100th birth anniversary of the scientist / I. L. Zherebtsov, V. A. Sablin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 137–150.

Дата поступления статьи: 07.10.2025

Прошла рецензирование: 10.10.2025

Принято решение о публикации: 17.10.2025

Received: 07.10.2025

Reviewed: 10.10.2025

Accepted: 17.10.2025